

Bookshelf

2010

Dnevnik istorkia S. A. Piontkovskogo

David Brandenberger
University of Richmond, dbranden@richmond.edu

A. L. Litvin

A. M. Dubrovskii

Follow this and additional works at: <https://scholarship.richmond.edu/bookshelf>

Part of the [History Commons](#)

Recommended Citation

Litvin, A. L., A. M. Dubrovskii, and David Brandenberger, eds. *Dnevnik Istorika S. A. Piontkovskogo*. Kazan, Russia: Kazan State University Press, 2009.

NOTE: This PDF preview of *Dnevnik istorkia S. A. Piontkovskogo* includes only the preface and/or introduction. To purchase the full text, please click [here](#).

This Book is brought to you for free and open access by UR Scholarship Repository. It has been accepted for inclusion in Bookshelf by an authorized administrator of UR Scholarship Repository. For more information, please contact scholarshiprepository@richmond.edu.

Дневник
историка С.А. Пионтковского
(1927–1934)

Казанский государственный университет
2009

Введение

Дневники как источник личного происхождения всегда привлекали к себе внимание исследователей и читателей. В них непосредственное восприятие современником окружающего его мира, отношения с людьми и властью, сама личность автора дневника, предстающего без прикрас в своих поступках и суждениях. В советское время дневники было вести опасно, но они были и это является одним из свидетельств того, что тоталитарный режим, претендовавший на всеобщий контроль над личностью, не мог осуществить его на практике.

В последние годы увидели свет, опубликованные полностью или частично дневники историков С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, С.С. Дмитриева, Н.М. Дружинина, И.И. Минца, М.В. Нечкиной¹ и др. В публикуемом дневнике Сергея Андреевича Пионтковского 410 машинописных страниц. В них его личные впечатления и переживания в 1927–1934 гг., т.е. времени, когда в стране шла жесткая внутрипартийная борьба за власть и методы социалистического строительства, когда часто «придуманная» властями оппозиция ликвидировалась при помощи судебных процессов над несуществующими партиями («Промпартия», «Союзное бюро ЦК меньшевиков» и др.), когда свирепствовали репрессии и обычным явлением становились «проработки» среди творческой и научной интеллигенции. Рукописи днев-

¹ См.: Дневник Н.М. Дружинина // Вопросы истории. 1995. № 9–12; Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997; Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2; Из дневников С.С. Дмитриева (1906–1991) // Отечественная история. 1999. № 3–6; Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2004. № 10–12; Минц И.И. Дневниковые и путевые заметки, мемуары // «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007; и др.

ника, по-видимому, не сохранилось, неизвестно также, вел ли Пионтковский дневник до 1927 г. и после 1934 г.

Имя и труды Пионтковского – крупного советского историка были хорошо известны в 1920-х – первой половине 1930-х годов. В 1920 г. Пионтковский был в числе первых девяти членов Истпарта, утвержденных особым постановлением Совнаркома за подписью В.И.Ленина², которым поручалось создание истории большевистской партии и Октябрьской (1917 г.) революции. С мая 1921 г. он профессор кафедры истории Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова и одновременно заместитель редактора журнала «Пролетарская революция»³. В 1922 г. Пионтковский – декан исторического отделения только что открытого в Петрограде Коммунистического научно-исследовательского института.

² Бюллетень Истпарта. Госиздат. 1921. № 1. С. 18. В состав Истпарта вошли В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин, А.С. Бубнов, В.А. Быстрянский, Н.И. Невский, М.С. Ольминский, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов. Подробнее о создании и деятельности Истпарта см.: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968; *она же.* Партийное руководство исторической наукой в переходный период. 1917–1936 гг. (Организация и планирование научных исследований): Автореф. дис. ... д -ра ист. наук. М., 1984; *Городецкий Е.Н.* Ленин основоположник советской исторической науки. М., 1970; *Литвин А.Л., Циунчук А.Г.* Создание и деятельность Татарского Истпарта (1920–1939) // *Историография федосеевских марксистских кружков в Поволжье.* Казань, 1972; и др. 1 декабря 1921 г. Истпарт был переведен в ЦК РКП(б) на правах его отдела.

³ Первый номер журнала «Пролетарская революция» вышел в октябре 1921 г. Своим названием журнал обязан М.Н.Покровскому. Он же стал редактором первых номеров журнала, позже им стал М.С.Ольминский. Издание журнала прекратилось в 1941 г. (*Крылов В.В.* Из истории журнала «Пролетарская революция» (1921–1941) // *Советские архивы.* 1974. № 3. С.65–72).

Первая большая работа Пионтковского «Октябрьская революция. Её предпосылки и ход», вышедшая тремя изданиями в 1923–1926 гг., переведенная на французский язык, принесла ему известность и была приобретена библиотекой Ленина в Кремле⁴. В 1923–1926 гг. также тремя изданиями выходит составленная им «Хрестоматия по истории Октябрьской революции», в 1925 г. – хрестоматия по истории гражданской войны в России⁵. Одновременно и опять-таки в нескольких изданиях публикуются очерки Пионтковского о февральских днях 1917 г., истории рабочего движения в России⁶. В те годы не было, пожалуй, ни одного крупного исторического журнала в стране, в котором бы систематически не печатались статьи, рецензии и заметки Пионтковского, а также новые, извлеченные из различных архивохранилищ документы с его примечаниями. Только в журнале «Пролетарская революция» в 1921–1929 гг. было опубликовано более двадцати работ Пионтковского⁷. Под редакцией, с его предисловием и примечаниями выходят сборники документов и отдельные публикации⁸, мемуары противников большевистской вла-

⁴ См.: *Пионтковский С.А.* Октябрьская революция в России. Её предпосылки и ход: Популярно-исторический очерк. М.; Пг., 1923–1926; *Piontkovsky S.A.* Histoire populaire de la Revolution d'Octobre. Paris, 1927; Библиотека В.И.Ленина в Кремле. М., 1961. С.226.

⁵ См.: *Пионтковский С.А.* Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1923–1926; *он же.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925.

⁶ См.: *Пионтковский С.А.* Февральские дни 1917 года. Л., 1924–1927; *он же.* Краткий очерк истории рабочего движения в России. (с 1870 по 1917 г.). Л., 1925.

⁷ См.: Пролетарская революция: Систематический и алфавитный указатель 1921–1929 гг. М., 1931. С. 148–149.

⁸ Советы в Октябре: Сб. документов. М., 1928; Пионтковский в разделе журнала «Материалы по истории контрреволюции» опубли-

сти⁹, совместно с И.И.Минцем он редактировал серию «Гражданская война в очерках»¹⁰, вместе с М.Мебелем и В.Невским «Библистечку по истории народов СССР»¹¹.

В 1928 г. Пионтковский в качестве делегата с решающим голосом принял участие в работе Первой Всесоюзной конфе-

ковал письмо члена ЦК партии эсеров Н.Д.Авксентьева из Парижа 31 октября 1919 г. к эсерам юга России (Пролетарская революция. 1921. № 1. С.116–122). *Пионтковский С.А.* Предисловие к документу: «Письмо атаману Богаевскому от донского представителя в Крыму полковника Власова» // Пути революции. Казань, 1922. № 1. С.168–171; *он же.* Предисловие к документу: «Записка директора департамента полиции Лопухина о стачках в июле 1903 г. в Одессе, Киеве, Николаеве» // Красная летопись. 1922. № 4. С.285–395; *он же.* Предисловие к записке С.В.Зубатова «Профессиональное движение в Минске», посланное им в департамент полиции 28 ноября 1901 г. // Красный архив. 1922. Т.1. С. 292–314; *он же.* Предисловие к подборке документов: Уфимское совещание и Временное сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т.61. С.58–81; *он же.* Предисловие к документу: «Допрос Е.Пугачева в Москве в 1774–1775 гг.» // Красный архив. 1935. № 69/70. С. 159–237; и др.

⁹ См.: Предисловия и примечания Пионтковского к книгам: *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929; *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Л., 1925; *Шульгин В.В.* 1920. Очерки. Л., 1926; и др.

¹⁰ См.: *Корнатовский Н.* Северная контрреволюция. М., 1930; *Пухов А.* Кронштадский мятеж. М., 1931; и др.

¹¹ См.: *Зельцер В., Гайсинович А.* Дореформенная экономика. Формирование промышленного капитализма и подготовка реформ. Харьков, 1930; *Симонов С.* Пугачевщина. Харьков, 1931; и др. Пионтковский был постоянным рецензентом многих исторических журналов, в основном книг и сборников документов, посвященных революции и гражданской войне в России. В фонде Истпарта и редакции журнала «Пролетарская революция» до сих пор хранятся рукописи нескольких неопубликованных и опубликованных рецензий Пионтковского о вышедшей в Париже книге эсера Ракова, побывавшего в застенках колчаковского режима, воспоминаниях эсера В.Зензинова «Из жизни революционера» (Париж, 1919) и др. // РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.941. Л. 3–6; Ф.72. Оп. 3. Д. 984. Л. 1–3; и др. Рукописи написаны красными чернилами.

ренции историков-марксистов, где выступил в прениях по докладу А.М.Панкратовой «Проблемы изучения истории рабочего класса в России». Он предлагал считать рабочими всех, кто выносит на рынок труда свою рабочую силу¹². Тогда же он был избран членом-корреспондентом Коммунистической академии общественных наук.

В то время труды Пионтковского положительно оценивались в печати¹³. Г.Лелевич, в ту пору секретарь редакции «Пролетарской революции», писал о первом издании хрестоматии по истории Октябрьской революции: «Книга содержит в себе чрезвычайно большое количество разнообразного и умело подобранного материала, освещающего и классовые группировки, и деятельность правительства, и работу массовых организаций, и борьбу партий, и внешний ход событий». По мнению рецензента, книга была «весьма удачной, если принять во внимание, что это – первый опыт»¹⁴. Н.Н.Авдеев – в то время один из видных историков большевизма, рецензируя книгу Пионтковского о Февральских днях 1917 г. в стране, отмечал: «... товарищ Пионтковский на немногих страницах сумел дать вполне марксистское систематическое и в то же время популярное описание как причин Февральской революции, так и событий первых её дней»¹⁵.

В 1928–1936 гг. тремя изданиями выходят «Очерки истории СССР XIX и XX веков» – переработанный курс лекций,

¹² См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. М., 1930. Т.1. С.417–418; Т.2. С.616.

¹³ См. рецензии на книги Пионтковского: *Маевич А. С.А. Пионтковский. Гражданская война в России: Хрестоматия*. М., 1925 // Военный вестник. 1925. № 35. С.62; *Игнатов Е. Советы в Октябре* // Пролетарская революция. 1928. № 10. С.200–202; и др.

¹⁴ Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 252.

¹⁵ Пролетарская революция. 1924. № 5. С.236.

прочитанных Пионтковским в Московском университете, Институте красной профессуры, Московском институте истории, философии и литературы им. Н.Г.Чернышевского (МИФЛИ). Тогда же он выступает с обобщающей историографической работой, посвященной критике буржуазных концепций истории России и в качестве одного из авторов участвует в написании четвертого тома истории ВКП(б), изданной под общей редакцией Е.М.Ярославского¹⁶. В 1934 г. решением ЦК ВКП(б) и правительства СССР Пионтковский вошел в группу историков, которым было поручено составить проспект и стать авторами школьного учебника по истории страны¹⁷.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в связи с разными обстоятельствами стало меняться отношение властей к исторической науке. Теперь руководство страны отказалось от ожидания мировой революции и стало говорить об укреплении социализма в одной, отдельно взятой стране. Если в начале 1931 г. Сталин говорил о том, что Россию непрерывно били за отсталость, то майское 1934 г. постановление ЦК и правительства «О преподавании гражданской истории в школах СССР» указывало на сме-

¹⁶ См.: *Пионтковский С.А.* Очерки истории России в XIX–XX веках. Харьков, 1928, 1930; М.; Л., 1935; *он же.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; История ВКП(б) / Составили Д.Кин, И.Миниц, С.Пионтковский, Ем.Ярославский и др.; Под общей ред. Ем.Ярославского. М.;Л., 1930. Т.4.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Историю – в школу: создание первых советских учебников.* М., 2008. В состав группы историков по созданию учебника вошли: Н.Н.Ванаг (руководитель), Б.Д.Греков, А.М.Панкратова, С.А.Пионтковский. См. также: Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936 годы) // *Вопросы истории.* 2004. № 6. С.3–30; *Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005. С.170–304; *Кудряшов С.В.* «Никаких произвольных толкований». Как создавались первые советские учебники по истории // *Родина.* 2008. № 11. С.16–21; и др.

ну курса. Теперь нужно было воспитывать патриотизм и гордость за державу, утверждая: Россия всех была и побеждала.

Замечания Сталина, Кирова и Жданова на проспекты учебников по истории СССР и новой истории означали огосударствление исторической науки. Марксистско-ленинская история в сталинском понимании объявлялась единственной научной правдой о прошлом, а одной из её важнейших функций провозглашалась легитимизация власти Сталина и воспитание в этом духе советских людей. Этому новому курсу предшествовали организационные, идеологические и репрессивные обоснования. В мае 1928 г. Институт Ленина был соединен с Истпартом, в марте 1929 г. был создан Институт истории Коммунистической академии, куда был «влит» Институт истории РАНИОН, в 1931 г. Институты Маркса и Энгельса, Ленина и Истпарт были объединены в Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) во главе с В.В.Адоратским. С 1925 г. партийные документы хранились в отдельном архивохранилище, что позже привело к созданию партийных архивов, доступ в которые для исследователей был затруднен. Постепенно усиливался партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем¹⁸. Менялась направленность создаваемых учреждений. Так, в марте 1930 г. создается историко-партийный институт из реорганизованного Института красной профессуры, для поступления в который требовалось не менее 10 лет пребывания в ВКП(б) и 5 лет стажа практической партийной работы¹⁹. Во время выборов в Академию наук в 1929 г. большевистское руководство всячески способствовало проведению в состав действительных членов Академии наук пред-

¹⁸ См.: Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924–1937 годах / Публ. док. подготовлена М.В.Зеленовым // Вопросы истории. 2004. № 11. С.3–28.

¹⁹ РГАСПИ. Ф.347. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 57.

ставителей правящей в стране партии²⁰. Наиболее крупной репрессивной акцией против историков стало тогда «Академическое дело» 1929–1931 гг., в результате которого были арестованы академики С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле и еще более сотни сотрудников академических институтов²¹.

В идеологическом плане наибольшее давление на историков оказало письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», написанное 26 октября 1931 г. и опубликованное тогда во многих исторических журналах. История написания самого «Письма» изучена недостаточно, зато известны результаты его публикации²². В нем Сталин, по сути, заявил о себе как единственном интерпретаторе марксизма-ленинизма, продемонстрировал образец того, как возвести политическое обвинение в ранг научных аргументов. Его письмо было воспринято как директива к выявлению «троцкистских контрабандистов» и «фальсификаторов». Положения этого письма о том, что нужно верить не архивным документам, а «делам» партий и их лидеров, вкупе с проводившимися в то время политическими кампаниями «разоблачения буржуазной историографии» и арестами историков,

²⁰ «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109–140; и др.

²¹ См.: Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Ч.1–2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле. СПб., 1998.

²² Пролетарская революция. 1931. № 6; Большевик. 1931. № 19–20; Борьба классов. 1931. № 8–9; и др. Неизвестно, сам ли Сталин писал это послание, рукопись не найдена. Почему объектом его критики стали статьи А.Г.Слуцкого и В.О.Волосевича, опубликованные в журнале «Пролетарская революция»? В архиве Сталина есть правленная им машинопись «Письма». В ней его рукой вписано усиление формулировок. Так, им исправлена фраза: «Обратимся к некоторым фактам из истории» на «Обратимся к наиболее известным фактам из истории» // РГАСПИ. Ф.558. Оп. 1. Д. 2983. Л. 5.

означали решительный отход от научных традиций дореволюционных исторических исследований, полного подчинения трактовки тех или иных исторических событий интересам правящего режима. Прославлению этого «Письма» в самом верно-подданническом тоне посвятили свои редакционные статьи все советские исторические журналы. «Гнилой либерализм» и «примиренчество» некоторых историков были осуждены на собрании Института Комкадемии, Общества историков-марксистов и в других организациях²³.

В связи с критическими замечаниями вождя в адрес многотомника по истории ВКП(б) были подвергнуты проработке его авторы, в том числе и Пионтковский. В 1928 г. В.Н.Рахметов, сотрудник Института Ленина, упрекал Пионтковского за расхождение с общепринятой схемой исторического развития России, предложенной Покровским и Лениным²⁴. К подобной критике, судя по дневниковым записям,

²³ См.: Вестник Коммунистической академии. 1932. № 12. С.40–66; Архив РАН. Ф. 377. Оп. 1. Л. 1–11; и др. Ныне можно говорить, что содержание «Письма» Сталина стало известно историкам до его публикации и само обсуждение часто происходило в атмосфере нетерпимости, критиканства и безнравственности. Сейчас, читая в архивах эти материалы, думаешь о каком-то массовом безумии, охватившем людей в борьбе с мнимым инакомыслием, со стремлением показать свою преданность вождю. Перед журналами ставилась задача превращения в боевые органы «воинствующего большевизма на историческом фронте». Журнал «Борьба классов» обвинялся в публикации немарксистских материалов, а его редактор И.А.Теодорович в «правом уклоне». Журнал «Каторга и ссылка» был закрыт потому, что своей тематикой не вписывался в сталинскую перестройку исторической науки. Эти обсуждения показали, что историки выступали тогда не только как жертвы произвола, но значительная их часть способствовала проведению такового.

²⁴ Рахметов В. Об одном неудачном учебнике по истории СССР. С.Пионтковский. Очерки по истории России в XIX–XX вв. М., 1928 // Историк-марксист. 1928. № 7. С.223–228. Покровский в декабре 1930 г.

Пионтковский отнесся довольно спокойно: «День за днем, как всегда, почти ничего и нет, о чем вспомнить бы следовало бы, все обыденная работа – лекции, семинары, враги, кто-то ругал мою книгу, я отругивался, кто-то ругает другую, опять буду отругиваться, – все как всегда, и все как обычно». На одну из рецензий отозвался так: «Трудно представить себе что-нибудь более безграмотное. Перевертали факты, перевертали мысли, приписали то, что я не думал и не писал, и обляяли самым отчаянным образом». Но уже к 1930 г. записи становятся все безнадежнее: «10 лет, как я уже в Москве, пишу книги, а итоги – за 10 лет не выбирают меня ни в одну из академий. Значит, идеологически я еще не превратился в идеолога, не переварился до конца. Историю мою сейчас ругают, говорят, она не ленинская и вообще. А честное слово, вот сейчас я все время перечитывал Покровского, не хваля себя, должен сказать, что все же по сравнению с ним я и в смысле фактов, и в смысле их ос-

писал директору Института Ленина М.А.Савельеву, что положение на «историческом фронте отражает собою положение на политическом фронте». Он подчеркивал, что среди историков есть правые и левые уклоны, а кроме этого индивидуальные сочинения Пионтковского (Исторический архив. 1993. № 4. С.202). Кстати заметим, что в 1928 г. М.В.Нечкина делилась на страницах журнала своими впечатлениями о зачетной сессии студентов-историков 2-го МГУ. Она рассказала, что вывесила на доске объявлений список необходимых работ для сдачи зачета по истории России XIX–XX вв. В нем были указаны и произведения Ленина. Утром её разбудил телефонный звонок студента, сдающего ей зачет: «Там на доске Ваш список вывешен. Нельзя ли Ленина заменить Пионтковским? – Пионтковским? – Да. – Категорически возражаю. Студент недоволен: Но почему нельзя? Ведь Пионтковский в своем курсе про то же пишет» (Нечкина М. Как студенты изучают Ленина // Революция и культура. 1928. № 17. С. 63). В 1934 г. Пионтковский анкетировал студентов-историков 2-го курса и выяснил, что они недостаточно подготовлены в знании произведений Ленина и Сталина, а также специальной литературы. (Пионтковский С. Итоги одной анкеты // Коммунистическая революция. 1934. № 4. С.48–54).

вещения, и в теоретическом смысле, конечно, сделал своей книгой шаг вперед в области истории... А что же мне дальше делать? Делать-то, главное, я ничего не умею. Могу читать лекции, писать книги, ходить в кино, а ведь на хозяйственную работу меня не возьмут, на мелкой партийной я не смогу работать, а больше не дадут. Положение трагическое».

Ощущение, что, несмотря на все усилия – искренние и неискренние, на наличие целого массива текстов, подтверждающих не просто его лояльность, но и готовность меняться в соответствии с установками свыше, его не принимают как своего, пронизывает дневниковые записи с 1930 г. Подобная ситуация позволяет вновь задать многократно поднимающийся в историографии вопрос о роли идеологии и дискурса в процессе функционирования советского режима и о предрасположенности режима вступать с собственными гражданами в диалог на языке официальных идеологов. С одной стороны, современные исследования в области советской культуры и политики показывают несомненную заинтересованность советского режима в политике «нового типа», которая была направлена на просвещение масс и формирование сознательного отношения советских субъектов к общественным и политическим процессам.

С другой стороны, в случае Пионтковского мы обнаруживаем попытку «советского интеллигента» интериоризировать язык и культурные установки нового режима, «говорить» с режимом на его языке – и отказ режима вступить в диалог. Таким образом, случай Пионтковского рождает серию вопросов: насколько однородными были политический язык и представления о социализме раннего советского периода; как складывались отношения между предлагаемой властями ортодоксальной интерпретацией социализма и революции 1917 г. и той массой левых интеллигентов, которые, как Пионтковский, пришли к

поддержке большевистского режима, разделяя с ним общий язык социальной революции и справедливости; какова роль внеидеологических инструментов в процессе определения лояльности советскому режиму и, соответственно, включения или исключения отдельных граждан или социальных групп из понятия «советское общество»²⁵.

В 1928–1930 гг. было разгромлено историческое отделение Академии наук. Идеологическое обеспечение различных «фабрикаций» взяла на себя Коммунистическая академия. Один из первых ударов по старой профессуре нанес Покровский своими историографическими работами и публичными выступлениями²⁶. В продолжение кампании по дискредитации историков старшего поколения, которую вели ученики и сторонники Покровского, 19 октября 1930 г. на объединенном заседании секции промышленного капитализма Института истории Коммунистической академии и Общества историков-марксистов выступил Пионтковский с докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия».

²⁵ Подобные вопросы рассматриваются в кн.: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С.75–79; *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006. С. 35–37; и др.

²⁶ См.: *Соколов О.Д.* М.Н.Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С.219–253; *Черепнин Л.В.* М.Н.Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1966. Т. IV. С.180–198; и др. Особо Покровский нападал на своего учителя В.О.Ключевского. Он считал его устаревшим ученым и полагал анахронизмом его взгляд на восстание декабристов. «Представьте себе историка, – писал Покровский, – который позволил бы себе аттестовать Пушкина как "титularного советника и камер-юнкера", "позабыв" отметить, что этот человек написал "Евгения Онегина". Какой бы гвалт поднялся во всей русской литературе! А вот Ключевский охарактеризовал приблизительно так Рылеева» (Цит. по: *Соколов О.Д.* Указ. соч. С.225).

В то время Пионтковский сам подвергался жесточайшей критике, поэтому использовал любую возможность для демонстрации лояльности властям. Он безжалостно добивал С.В.Бахрушина, Р.Ю.Виппера, Ю.В.Готье, А.А.Кизеветтера, С.Ф.Платонова, М.К.Любавского и других ученых, которые «на всем протяжении революции... защищали интересы собственников». В их работах, которые Пионтковский расценивал «как последнее сопротивление буржуазии, последние судороги мертвеца», он обнаружил «зоологический национализм московских лабазников». «Наша задача, – утверждал Пионтковский, – заключается в том, чтобы помочь им поскорее умереть, умереть без следа и остатка». Доклад Пионтковского одобрили И.Л.Татаров и А.В.Шестаков, отметившие разложение буржуазной исторической науки²⁷. Подчеркну еще раз, что призыв «помочь умереть» был направлен против историков, к тому времени уже арестованных по так называемому «Академическому делу» или находившихся в эмиграции. По сути, Пионтковский добивал уже к тому времени поверженных.

1 ноября 1930 г. он записал в дневнике, что вскоре после своего погромного доклада был уволен из Института истории и отправлен на работу в Харьков, повсюду выявлены антисоветские заговоры историков, экономистов и инженеров и ему тяжело...

Гонения на историков усилились после публикации известного письма Сталина в журнале «Пролетарская революция», в котором, помимо непосредственных идеологических и политических задач, формулировалась новая программа исто-

²⁷ *Пионтковский С.А.* Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19. С.157–176. Шестаков призывал дополнить галерею портретов академиком Бартольдом – «типичным образчиком великорусского великодержавного шовинизма» // Там же. С.171.

рических исследований новейшей истории России, ставящая целью переориентацию историков от исследования социально-экономических процессов к политической истории и идеологическим обоснованиям легитимности правящего режима. После этого письма усилились и активизировались чистки кадров историков и политизация исторической науки.

В духе этого «Письма» критика историков приобрела характер политических обвинений, а не научных дискуссий. Характерным в этом плане стала статья о работах Пионтковского, связанная с обвинениями «во всех грехах» авторов IV тома истории ВКП(б) под редакцией Ярославского. Статья начиналась с напоминания, что Пионтковский является одним из авторов этого тома, а завершалась выражением удивления в связи с тем, что он нигде не выступил с развернутой критикой «своих ошибок». О его работах говорилось, что они содержат «систему политических и принципиально исторических ошибок». Он обзывался «троцкистом» и «извратителем ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905–1917 гг.» и т.д. Вывод авторов статьи: произведения Пионтковского нельзя рекомендовать ни студентам, ни в целом читателям²⁸.

12 ноября 1931 г. Пионтковский сообщил в дневнике о совещании у Ярославского, на котором обсуждались замеча-

²⁸ Толстихина, Миллер. Бригада ИКП истории. О работах т.Пионтковского // Историк-марксист. 1932. Т.1/2. С.192–200. Авторы выступали от имени Института красной профессуры, их работ по истории обнаружить не удалось. Видимо, такие выпускники ИКП характеризовались, как малокомпетентные в профессиональном отношении люди, оказавшие негативное воздействие на развитие советской исторической науки, внеся в неё воинствующий догматизм и интеллектуальную нетерпимость. (Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 98).

ния Сталина и ответ ему Ярославского. «Ярославский рассказал, что с ним об этом беседовал и Каганович, и Сталин. Оба они указали ему, что им всем хорошо известно отношение Ярославского к партии и его личное отношение к Сталину, и все удивлялись, как он мог допустить такие ошибки и указание о том, что Сталин в марте месяце (1917 г.) занимал позиции, аналогичные с Каменевым. Между прочим, из неизданных материалов мартовской конференции известно, что Сталин действительно занимал ошибочные позиции, да и сам он об этом пишет. Ярославский рассказывал, что он признал эти свои ошибки и назвал автором статьи Кина».

Из дневниковой записи Пионтковского 3 февраля 1932 г. видно, в каком отчаянном положении находились в то время он и его коллеги по тому. «До выступления Кагановича на оргбюро и до речи Сталина 5 января на политбюро проработка письма Сталина на практике сводилась к тому, что десятки преподавателей из вузов были сняты и исключены из партии; людей за какие-то ошибочки, сделанные пять лет тому назад, выбрасывали, выгоняли, доводили чуть ли до самоубийства и умопомешательства. Сам Ярославский был доведен до такого состояния, что производил впечатление человека, получившего огромную психическую травму, почти что помешанного. В самом деле, нелепо и дико, — человека, прошедшего основную борьбу с Троцким, вдруг провозгласили перед всей партией... троцкистским контрабандистом²⁹. Когда я был у него, он сидел в пустой комнате в кабинете ЦКК, подперши голову рукой, и с диким видом смотрел в окно. Более всего меня поразило то, что он не сумел подвести теоретическую базу под всю происходившую

²⁹ Л.Д.Троцкий считал Ярославского клеветником и фальсификатором истории Октябрьской революции и его собственной деятельности в 1917 г. (См.: *Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций*. М., 1990. С.33–35 и др.).

проработку и все это объяснял лишь тем, что Сталин недоволен тем, что в четырехтомнике не отведено ему основной роли, личными мотивами, а не принципиальными»³⁰.

Пионтковский сообщал, что его, Минца и Эльвова «прорабатывают из номера в номер в "Большевике", дали несколько статей в "Правду"». «Наконец, два дня подряд все мои книжки, статьи, заметки, библиографии прорабатывали в ИКП, нашли тьму ошибок, превратили всю мою десятилетнюю деятельность в одну чернильную кляксу и доказали как дважды два, что я правый оппортунист с меньшевистско-троцкистскими загибами. А на Украине дня три тому назад 29 января меня тоже проработали вдрызг. Доказали, что я националист типа Шульгина, антисемит и еще что-то дикое и нелепое». Тогда покаянные письма на имя Сталина написали Ярославский, Баевский, Кин, Минц, Эльвов. Пионтковский не исключал такой необходимости и для себя, но считал «признание мнимых ошибок» крайней неприятностью. Тогда, вероятно, он покаянного письма не написал, во всяком случае, мне об этом неизвестно.

В феврале 1932 г. Пионтковский признавал, что после многочисленных проработок у него появился страх перед аудиторией

³⁰ П.В.Волобуев в предисловии к кн.: «История и сталинизм» (М., 1991. С.62) опубликовал текст письма академика-философа А.М.Деборина (1881–1963) Н.С.Хрущеву: «В июне 1930 г. тогдашний зав. отделом пропаганды и агитации ЦК (им был А.И.Стецкий. – А.Л.) объявил мне, что отныне требуется утвердить один авторитет во всех областях, в т.ч. и в области философии. Этот авторитет – наш вождь Сталин. В связи с этим меня скоро посетили на квартире Митин, Юдин и Ральцевич, которые предъявили мне ультиматум: на публичном собрании я должен разгромить моих учеников, объявив их врагами народа. Самого же Сталина провозгласить великим философом». Деборин отказался и вскоре его ученики Я.Э.Стэн, Н.А.Карев и другие были арестованы.

ей. Он стал бояться выступать перед студентами, полагая, что они начнут искать в его словах различные «уклоны». «При такой проработке, — записывал он в дневнике, — ужасно трудно вести преподавательскую работу. На каждом шагу тебя ловят. У меня сначала было такое чувство, что, когда я открывал рот, из него так и сыпались уклоны, я терял уверенность, а потеря уверенности — это потеря тона в преподавании. Потеряв тон, я уже не преподаватель. Сидеть на кафедре и бояться аудитории, лучше в неё не входить. Аудитория, наоборот, потеряла тон в том смысле, что она потеряла доверие в мой авторитет, и она начинает меня ловить и искать во мне уклоны. Положение дикое и крайне нелепое. Хотя ей сейчас и дан приказ не исключать из партии, а лишь беспощадным образом разоблачать ошибки. Но если из номера в номер будут поминать наши фамилии, если из номера в номер нас будут разоблачать как контрабандистов по всей республике, то здесь количество перейдет в качество и это разоблачение приведет к уничтожению. Надо как-то приостановить поток разоблачений. Письмо в редакцию может помочь в том смысле выведения себя из боя, т.е. в смысле физического сохранения, но не в смысле прекращения разоблачений. Говорят, что я поседел за этот месяц. Черт его знает, уж очень трудно, пробывши 13 лет в партии, согласится с тем, что ты все 13 лет был в партии лишь рупором враждебных классов. Согласится с такой формулировкой — это все равно, что признать себя закоренелым вредителем, социал-фашистом и контрреволюционером. Нет, с этим я никогда не соглашусь».

Совершенно издерганный и измученный беспардонной критикой и проработками, Пионтковский 24 октября 1932 г. записал в дневнике, что все его книги изруганы и заплеваны, его перестали печатать и ему начинает казаться, что вся его жизнь — сплошная ошибка. «Не надо было заниматься историей, не надо было заниматься наукой, не надо было брать как неоспоримое

наследство интеллектуальную работу в области идеологии». И далее следовал образный вывод: «В результате проработок я очутился, как рыба, выброшенная на мель. Превратиться в сухопутное животное я не могу, а в воду тоже уже не пускают».

Пионтковский продолжал работать, но, видимо, уже без прежней энергии. Во всяком случае, протокол заседания дирекции Института истории 25 февраля 1933 г. зафиксировал, что сборник статей и документов «Октябрь в национальных районах», готовящийся под его руководством, не был представлен. Он подготовил программу для семинарских занятий по историографии, где главной задачей ставил «показать и доказать участнику семинара, привить ему как неотъемлемый взгляд на вещи понятие о том, что история есть определенный вид классовой идеологии, что в исторической форме сформулирована современная политическая программа»³¹.

Пионтковский почувствовал себя лучше, когда в 1934 г. побывал на приеме у Сталина в связи с работой над новым школьным учебником по истории СССР. Он вошел вместе с Б.Д.Грековым и А.М.Панкратовой в группу Н.Н.Ванага, которым была поручена разработка проспекта этого учебника (март 1934 г.)³². Последняя запись в дневнике датирована 23 марта 1934 г. В ней говорится о вызове на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) вместе с другими авторами учебников для средней школы; о том, что на заседании председательствовал Молотов, с «отвратительнейшим докладом» выступил А.С.Бубнов и в

³¹ Архив РАН. Ф.350. Оп.1. Д.882. Л. 6, 35.

³² В архиве Академии наук СССР сохранилась стенограмма заседания Президиума Коммунистической академии 13 марта 1934 г., на котором обсуждалась работа над изданием учебника по истории СССР. А.И.Стецкий, зав. отделом культуры и пропаганды ЦК (1934 г.) говорил о том, что история «совершенно изгнана из нашей средней школы». На вопрос: «Кем изгнана? — ответил, — так случилось само собой в ведомстве Наркомпроса» (Архив РАН. Ф. 350. Оп.1. Д. 906. Л.1).

«благоговейной тишине» прозвучал приговор Сталина: «Учебники никуда не годятся». После этого их вызвал Бубнов, тогда нарком просвещения, и «кричал», кто и какие учебники будет писать...³³ Однако составленный группой конспект учебника вызвал замечания И.В. Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова, не был утвержден и работы Пионтковского были подвергнуты очередной, еще более разностной критике с прославлениями замечаний партийного руководства.

19 марта 1936 г. Пионтковский прочел, как оказалось, последнюю публичную лекцию в Высшей школе пропагандистов им. Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б). Тогда же она была издана под названием «Крепостническая Россия в борьбе с революцией в Европе».

В 1936 г. нападки на Пионтковского усилились. И.Фролов назвал третье издание «Очерков истории СССР в XIX–XX вв.» (М., 1935) Пионтковского «идеологическим браком», «безответственной», «антинаучной, антиленинской книгой» и «посоветовал» сдать её в архив. Ведь в ней не были учтены руководящие партийные указания историкам, а сам автор входил в группу Н.Н.Ванага, чей проспект учебника так не понравился Сталину. А.Клинов подчеркивал анти-

³³ Об этом совещании см.: *Гуковский А.И.* Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С.97–98; *Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005. С.193–196. П.Н.Милюков бывший лидер кадетской партии и министр Временного правительства, историк, ученик Ключевского, в 1937 г. в журнале «Современные записки» (Париж. № 65) писал: «Для недоучившегося семинариста Сталина теоретические споры и высшие достижения русской историографии были недоступны. Но политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно». (Цит. по: *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г.Чернышевского (1931–1941). М., 1995. С.96).

историзм «Очерков», видел в них иллюстрацию того, что бывает, если не учитывать указания Сталина «в деле поднятия преподавания истории на должную высоту»³⁴. Нужно ли говорить, что подобная негативная, оголтелая критика не способствовала исследованиям, а играла свою роль в подготовке физической расправы над многими историками. Наверное, после этих зубодробительных отзывов Пионтковского не покидала мысль о скорой развязке.

В 1936 г. сотрудники вновь образованного Института истории получили задание создать многотомную историю СССР. На эту работу отводилось два-три года. Коллектив историков для создания проспекта многотомника возглавил П.С.Дроздов. В него вошли Е.П.Кривошеина, Д.Я.Кин, С.А.Пионтковский, С.В.Бахрушин. Проспект планировалось представить к 10 сентября 1936 г., составление первых трех

³⁴ См.: *Вегер В.* Книга, искажающая историю СССР // *Большевик*. 1936. № 7. С. 90–96; *Фролов И.* Безответственная книга // *Историк-марксист*. 1936. № 3. С. 119–137; *Клинов А.* Антиисторический очерк истории СССР // *Борьба классов*. 1936. № 5. С. 117–120; и др. Заметим, что в 1936 г. началась и беспрецедентная критика работ М.Н.Покровского статьями Н.И.Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных трудах М.Н.Покровского // *Борьба классов*. 1936. № 2. С. 10–19) и К.Б.Радека «Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского» (*Большевик*. 1936. № 5. С. 53–68; и др.). Подробнее об этом см.: *Бранденбергер Д.Л.* Посмертное убийство Покровского (Прелюдия к публичному "разоблачению" отца советской марксистской историографии, январь 1936 г.) // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков*. Сб. ст. и материалов. Брянск, 1999. С. 61–71. Позже были изданы сборники статей: «Против исторической концепции М.Н.Покровского» (М.; Л., 1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского» (М.; Л., 1940). Бухарин и Радек ко времени издания этих сборников были репрессированы и их статьи не вспоминались.

томов завершить в 1938 г., остальных двух – в 1939 г.³⁵ Весь этот состав авторов, за исключением Бахрушина, не смог продолжить намеченную работу из-за начавшихся репрессий.

В то время Пионтковский работал и в МИФЛИ, о котором выпускники говорили, как «об островке свободомыслия среди моря догматизма». Приказом по институту Пионтковский был освобожден от работы 10 октября 1936 г., сразу после ареста. Позже ректор института А.С.Карпова каялась: «Я также просмотрела Пионтковского, книгу которого мы не осудили»³⁶. Пионтковский был арестован 7 октября 1936 г., расстрелян 8 марта 1937 г. Одновременно с ним и чуть позже такая же участь постигла многих его коллег³⁷. Ему не помогло признание своих ошибок в написании проспекта учебника в январе 1936 г. на собрании Института истории Коммунистической академии, как не помогло оно Ванягу³⁸, а Панкратову и Нечкину, выступивших с такими же

³⁵ См.: *Дубровский А.М.* Историк и власть. С.635–636. П.С.Дроздов (1900–1937) – историк, заместитель редактора журнала «Историк-марксист», заведующий кафедрой истории народов СССР Института красной профессуры. Репрессирован. Реабилитирован.

³⁶ См.: *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. С. 6, 140, 141.

³⁷ См.: *Артизов А.Н.* Критика М.Н.Покровского и его школы. (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С.102–120; *он же.* Судьбы историков школы М.Н.Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С.34–48; *он же.* М.Н.Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С.124–143; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; и др.

³⁸ Историк-марксист. 1936. Кн. 1. С. 210. А.Г.Авторханов, в середине 1930-х годов учившийся в ИКП, вспоминал, как они встречали новый 1937 г., как он сидел между Ванягом и Фридляндом и произнес тост за своих учителей. «Едва я кончил свой тост, а аплодисменты еще продолжались, как в зал ворвалась группа штатских лиц, набросилась сперва на Фридлянда, а потом и на других партийных профессоров. Надели на них медные наручники и вывели... Через не-

покаяниями, не арестовали, но и им пришлось поволноваться: Панкратовой пришлось выступить с резкой критикой взглядов своего учителя Покровского и отправиться в ссылку, в Саратовский университет³⁹.

сколько недель мы читали, что Фридлянд и Ванаг хотели "убить" Сталина, а Пионтковский и другие оказались шпионами» (*Авторханов А. Мемуары // Октябрь. 1992. № 8. С. 143*). Авторханов путает даты: Фридлянд был арестован 31 мая 1936 г., Ванаг – 1 июня 1936 г. и потому никак не могли вместе с ним встречать новый, 1937 год. В личном деле слушателя ИКП А.Г.Авторханова говорится, что он поступил учиться в ИКП в 1934 г., рецензию на его вступительные работы написал Ванаг, отметивший: «Авторханов, получив систематическую научную подготовку в ИКП, мог бы стать подлинным научным работником в области истории». В марте 1935 г. Авторханов под научным руководством Пионтковского написал доклад о предпосылках городских восстаний XVIII в. Пионтковский так характеризовал его: «Живой и активный. Может и хочет работать. К работе относится добросовестно. Несомненно растет». Авторханов окончил ИКП в 1937 г. (ГА РФ. Ф. 5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 12–16).

³⁹ См.: *Сидорова Л.А. Анна Михайловна Панкратова // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С.427*. В марте 1937 г. в «Правде» под заголовками типа «Об идиотской болезни – беспечности в журнале "Историк-марксист"», «Политическая слепота и беспечность» вышел ряд статей, в которых о многих историках (Ванаге, Фридлянде и др.) писали как о «врагах народа», а их работы именовались «всевозможной белибердой явно контрреволюционного пошиба». 31 октября 1937 г. среди слушателей и преподавателей отделения истории Института красной профессуры, где до этого долгие годы проработали многие из арестованных, с докладом «Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте» выступил ученик Покровского и профессор этого института А.В.Шестаков. Смысл его доклада состоял в тезисе: Покровского следует критиковать, а арестованных Ванага, Пионтковского, С.М. Дубровского, С.Г. Томсинского, «обвиненных в терроризме и бандитизме», следует уничтожить как «врагов народа». Шестакова поддержали Нечкина и особенно член партбюро института Пуговкин, заявивший, что все осужденные «выполняли определенный заказ фашизма – вредить в нашей исторической науке». Пуговкин, слушав-

После ареста Пионтковского его книги оказались в спецхранах библиотек, а имя на два десятилетия исчезло со страниц исторических сочинений. Пионтковский был реабилитирован 6 июля 1956 г. После этого произошло возвращение его фамилии на страницы советской историографии, но часть его произведений продолжала оставаться в спецхранах, пока не были реабилитированы Каменев, Зиновьев, Бухарин (1988 г.), и не стало возможным свободно цитировать Троцкого, на произведения которых он ссылался в своих работах начала 1920-х годов. Ученики Пионтковского начали вспоминать своего учителя и посвящать ему свои работы⁴⁰.

ший лекции Пионтковского, вспомнил, как на вопрос: где жили славяне? – Пионтковский ответил, по этому поводу существуют разные точки зрения и не важно, кто и где жил. Из этого Пуговкин делал заключение: «Фашисты претендуют на наши территории, а ему все равно, кто где жил». Единственным, кто в выступлении сумел ограничиться собственным покаянием и никак не упомянул имен своих коллег был Б.Д. Греков (ГАРФ. Ф. 5143. Оп. 1. Д. 613. Л. 1–7, 27–43). 5 мая 1937 г. на открытом партийном собрании историков ИКП и руководства исторических журналов обсуждалась сложившаяся ситуация в исторической науке. Руководство журналов каялось в публикации статей «врагов народа». Заместитель редактора журнала «Красный архив» В.В. Максаков (1886–1964) говорил, что в журнале были опубликованы предисловия Пионтковского к подборке документов о 9 января 1905 г. и допросу Е. Пугачева. Максаков признавал, что была допущена «политическая беспечность», так как была издана «вещь, которая имела определенную политическую установку, враждебную нам». (1937 год. Институт красной профессуры. Выступления Н.М. Лукина, В.В. Максакова, О.С. Вейланд, Л.И. Рыклина. Публикации // Отечественная история. 1992. № 2. С. 135). Так на глазах историков разворачивалась трагедия их коллег.

⁴⁰ См.: *Ахалая И.Д.* Революционные комитеты Грузии. Сухуми, 1963. Автор посвятил книгу Пионтковскому. Известный советский историк Е.Н. Городецкий (1907–1993) называл Пионтковского своим учителем, который на своих семинарах сформировал его интерес к истории

Теперь о нем писали как о составителе первого научно-исторического сборника документов об Октябре 1917 г. (Е.А.Луцкий), исследователе, который дал правильную характеристику «огромной роли руководителя большевистской партии и главы рабочего и крестьянского правительства В.И.Ленина в обеспечении успеха Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и создания советского государства (М.П. Ирошников). Г.Д. Алексеева, В.М. Водолагин, Е.Н. Городецкий, А.Г. Черных назвали книгу Пионтковского «Октябрьская революция в России. Её предпосылки и ход» первой обобщающей работой в советской историографии начала 1920-х годов на эту тему. Л.В.Черепнин считал верным положение работы Пионтковского «Буржуазная историческая наука в России» (она, увы, изобиловала резкими суждениями и категорическими высказываниями в адрес видных русских историков. — *А.Л.*) о том, что дореволюционная историография в стране к концу 1920-х годов была «загнана в тупик» и умирает, как тот «класс, который она представляет и выражает». Как написанную с марксистских позиций рассматривал книгу историка «Краткий очерк рабочего движения в России» В.Н. Лаверьчев. В.В. Мавродин высоко оценивал публикации Пионтковского, посвященные Е.Пугачеву, и называл первой его статью по историографии крестьянских войн в России, где проводилась мысль о том, что пугачевское восстание отличалось от предшествующих крестьянских выступлений большей организованностью, идеей «буржуазной демократии», сложной идеологией⁴¹.

революции и гражданской войны в России. (Интервью с Е.Н.Городецким // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С.108).

⁴¹ *Луцкий Е.А.* Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т.ХI. С.27; *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государст-

В современной историографии труды Пионтковского упоминаются наряду с произведениями советских историков 1920-х – начала 1930-х годов, ему посвящено диссертационное исследование, статьи⁴². Разумеется, оценка творческой деятельности Пионтковского ныне рассматривается неоднозначно. Особому критическому рассмотрению подверглись работы Пионтковского, направленные против так называемой буржуазной историографии⁴³. Ко-

венного аппарата. М., 1967. С.11; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923). М., 1968. С.165; *Водолагин В.М.* Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., 1967. С.29; *Городецкий Е.Н.* Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. М., 1981. С.174; *Черных А.Г.* В.И. Ленин – историк пролетарской революции в России. М., 1969. С.308–309; *Черепнин Л.В.* Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т.IV. С.164; *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. ЛГУ, 1961. Т.1. С.149; *он же.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1961. № 5. С.31; *Бухараев В.М.* Некоторые вопросы соотношения социалистической и демократической борьбы масс в Октябре в работах С.А.Пионтковского начала 20-х годов // Сб. аспирантских работ. Общественные науки. Казань: КГУ, 1973. С.115–123; и др.

⁴² См.: Советская историография. М., 1996. С.169, 187; *Балашов В.А., Юрченков В.А.* Историография отечественной истории (1917 – начало 90-х гг.). Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1994. С. 30, 33; *Дубровин В.Ю.* Историк С.А.Пионтковский. Исследование жизни и творчества: Автреф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ, 2002; *Литвин А.Л.* В ряду первых советских историков. С.А.Пионтковский // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С.119–130; *он же.* Выбор судьбы и судьба выбора // Без права на мысль. Казань, 1994. С.95–121; и др.

⁴³ См.: *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С.149–151; и др.

нечно, с современной точки зрения эти сочинения Пионтковского⁴⁴ не делают ему чести.

Пионтковский учился в дореволюционной школе и университете у профессоров, начавших свою научную деятельность в конце XIX в. Но в его дневниковых записях конца 1920-х годов сквозит ненависть к «буржуазным историкам» С.В. Бахрушину, М.М. Богословскому. Исключением для него был его учитель, профессор Казанского университета Н.Н.Фирсов, «изумительный старику», но не марксист... Для Пионтковского историография подразделялась на буржуазную, реакционную и пролетарскую, марксистскую и революционную. По его мнению последние получили от дореволюционной лишь печатный материал да техническое умение оперировать историческими документами. Он полагал, что после октября 1917 г. история стала «боевым орудием пролетариата».

В работах Пионтковского той поры, особенно из текста дневника, видна двойственность поведения историка, его стремление выжить в тех непростых условиях, степень борьбы в нем конформизма и профессионализма, знающего цену себе и окружающим. Он достаточно презрительно относился к нарождавшейся партийной номенклатуре, с ее иерархией и привилегиями. После отдыха в Кисловодске летом 1928 г., где он встречался с её представителями, Пионтковский записал в дневнике: «Партийные сановники не мешаются даже во время отдыха с рядовой партийной шпаной. Ни в одной, пожалуй, стране ари-

⁴⁴ *Пионтковский С.А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. Т.17. С.21–26; он же. Великодержавная буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19. С. 157–170; он же. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; он же. Борьба М.Н.Покровского с российской буржуазной историографией // Историк-марксист. 1932. № 6. С.85–99.*

стократия не поставлена так крепко и в высоко привилегированные условия, как у нас в стране». Его отвращали жестокость и карательная всемогущность часто ничтожных людей, оказавшихся у власти. Там же, в Кисловодске, он случайно оказался свидетелем беседы двух чекистов. Один из них рассказывал с вожделием, как расстреливал в подвале бывших офицеров и ходил, хлопая, по крови. «Мне стало страшно, — записал историк, — а вдруг он опять начнет кого-нибудь расстреливать...». И описал этого чекиста: «совсем шустрый, жидкий, только в глазах какая-то кровожадная чертовщина».

В своих работах Пионтковский был категоричным, догматичным и конформистским. Он был среди тех, кто создавал тогда историко-партийную науку, кто хотел выжить, но иногда не успевал за быстро меняющейся политической конъюнктурой в стране, иногда же, наоборот, позволял себе излишне категоричные суждения. Таковые очевидны в его рассуждениях и кажущейся классовой ненависти к «буржуазным историкам». Пионтковский в дневниковых записях неоднократно писал об их профессионализме и знаниях, чего не хватает многим коммунистам-историкам. В статье о Покровском, он подчеркивал понимание им того факта, что «марксистская историческая наука не может обойтись без буржуазного наследства, вопрос стоял лишь в том, как использовать это наследство». Он считал огромной заслугой Покровского его борьбу с буржуазной историографией⁴⁵. Пионтковский резко нападал на тех, кто продолжил традиции Ключевского в создании истории русского народа, а не истории народов СССР⁴⁶.

Осудить Пионтковского за подобную историографическую вульгаризацию сейчас нетрудно, также как и за положи-

⁴⁵ Историк-марксист. 1932. № 6. С.86; *Пионтковский С.А. Памяти ученого-революционера // Фронт науки и техники. 1935. № 4. С.7–9.*

⁴⁶ Историк-марксист. 1930. Т.17. С.26.

тельное отношение к проходящим политическим процессам, в том числе и «Академического дела». Об этом свидетельствуют и его дневниковые записи. Но 7 марта 1931 г., побывав на суде над меньшевиками, он отметил: «слишком большой срепетированности процесс»⁴⁷. Можно, в другие времена, будучи вдалеке от советской действительности, презрительно назвать Пионтковского за публичное отсутствие критики политических процессов «гнусной личностью»⁴⁸. Важнее не судить, а понять, с какой целью и что заставляло Пионтковского это делать в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Сразу заметим, что это было время страха перед жестокой государственной машиной, подавляющей любое инакомыслие⁴⁹.

Трудно предположить, что Пионтковский, будучи в годы гражданской войны в Поволжье и Сибири, не представлял воочию, что на практике значил красный и белый террор. Но им руководил не только страх. Он хотел сделать научную карьеру

⁴⁷ С.А.Пионтковский был недалек от истины. По замечаниям осужденных на процессе Н.Н.Суханова и М.П.Якубовича их роли во время суда были заранее оговорены со следователями ОГПУ, обещавшими им за эти «признания» снисхождение и обманувшими их // *Литвин А.Л.* Судебный процесс над несуществующей партией // *Меньшевицкий процесс 1931 года: Сб. документов: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 8, 26.*

⁴⁸ Так назвал его в своих воспоминаниях Н.И.Ульянов (*Дубровский А.М.* Историк и власть. С.129.). Н.И.Ульянов (1904–1985) был учеником Платонова, в 1927 г. аспирант РАНИОН и Института истории Комкакадемии. В 1936 г. был арестован и осужден на 5 лет заключения в ИТЛ, с началом Великой Отечественной войны был под Вязмой, попал в плен, работал в Германии рабочим, по окончании войны жил в Канаде и США, автор ряда работ по истории русского Севера, историографии (*Историки России. Биографии. М., 2001. С.758–763.*)

⁴⁹ В 1931 г. драматург А.Н.Афиногенов (1904–1941) написал пьесу «Страх», в которой говорил, что если подвергнуть психологическому обследованию 100 советских граждан, то окажется, что 80 из них действуют под влиянием страха.

и считал, вероятно, что подобными работами доказывает свою не только лояльность, но и преданность властям. Это его не спасло, хотя главным критическим замечанием Сталина, Кирова и Жданова на составленный группой Ванага учебник, одним из авторов которого был и Пионтковский, стало указание на то, что составлен конспект русской истории, а не истории СССР, «т.е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»⁵⁰. На него, безусловно, давила сложная обстановка окружающей его среды, подозрительность и доносительство коллег. 4 июля 1931 г. он писал в дневнике: «Упадочное у меня настроение. Никак не могу приспособиться... То начну за правду бороться, то кричать зря, не хватает выдержки, не хватает нервов... Нас ведь историков немного и между нами идет такая борьба, на каждом шагу топим друг друга, обнимаемся в прихожей и наговариваем друг на друга, когда входим в приемную. Атмосфера – дышать нечем». Он часто каялся в том, что выбрал профессию историка.

В такой обстановке раздражение автора любой книги отражается на её содержании. Советские историки в 1920-е – начале 1930-х годов основной задачей считали борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, они полагали себя участниками идеологической борьбы РКП(б) – ВКП(б) за победу марксистско-ленинских, а затем и сталинских идей. Во главе этой борьбы тогда стоял Покровский и его ученики⁵¹, затем сторонники Ярославского. С 1931 г. руководство исторической наукой перешло к Сталину. Эту тенденцию в

⁵⁰ Историю – в школу: создание первых советских учебников. С.121.

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). С.202–281.

самой одиозной форме и отразил тогда в своих статьях и книге о буржуазной историографии Пионтковский⁵².

В исторической науке, как и в других научных направлениях, многое решает творческая личность ученого. Его мысль часто звучит диссонансом общему хору, иногда она становится солирующей в этом хоре. Именно отдельные ученые все советские годы решали быть или не быть исторической науке в стране. Пионтковский был сложным и противоречивым человеком, любящим театр, коллекционирующим революционные плакаты и изображения меняющихся советских лидеров. У него были всякие по качеству и содержанию произведения и их невозможно понять без условий, в которых он работал, без его биографической характеристики.

⁵² М.В.Нечкина в книге о Ключевском тоже относит его к буржуазным ученым, а сочинения историка – к кризису буржуазной исторической науки. Она резко критикует позицию Пионтковского, называя её «пролеткультовской» по отношению к Ключевскому (*Нечкина М.В. В.О.Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.7, 40*). В дневнике Нечкина сообщала, что читала в журнале «Историк-марксист» (1930. Т.17) обсуждение доклада Пионтковского «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия», но своего мнения не высказала (*Вопросы истории. 2005. № 5. С.124*).